

Наталья Елманова

«Нерон Ардатовского уезда»

Неизвестный автор, Потанина Е. Рисунок. Карикатура. Крепостная балерина. Бумага, графитный карандаш, акварель, белила. 37,5x42,6 см. "Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина".

«Шепелев был высокообразованный человек. Он служил сперва в гвардии, потом, выйдя в отставку, уехал в свое имение... Иван Дмитриевич был большой любитель искусств вообще. Он ценил живопись, скульптуру и сам рисовал весьма недурно, но предпочитал всему музыку. Сам он опять-

таки недурно пел, у него был хороший баритон. Громадный трехэтажный дом его на Выксе представлялся решительно дворцом; убранство его было роскошно. В доме находились особые мастерские для живописи, скульптуры, салон для занятий музыкой; в последнем помещении занимался сам Шепелев и делались спевки. Личные апартаменты Ив. Д. Шепелева были отделаны в турецком вкусе; все его комнаты были убраны турецкими коврами, вся мебель отделана тармаламой, повсюду стояли громадные тропические растения и цветы, распространявшие благовоние. Сам хозяин разгуливал в турецком халате и в широчайших шароварах, на которые шло до 40 аршин канауса**, в белой шелковой полосатой курточке с серебряными пуговицами, с ермолкою на голове, шитою золотом, и в туфлях»****

*Тармалама (термалама, термолама) — плотная и толстая шёлковая ткань из нити, скрученной в несколько прядей. Характерный золотистый цвет узорчатой ткани обеспечивал шёлк-сырец.

** Канаус (перс.) — шелковая ткань полотняного переплетения, из сырца или полусырца.

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.38-39.

Николай Яковлевич Афанасьев оставил описание театра во времена И. Д. Шепелева.

Я сказалъ, что былъ приглашенъ къ Шепелеву капельмейстеромъ. У Шепелева на Выксѣ былъ театръ, какъ у многихъ богатыхъ русскихъ помѣщиковъ стараго времени. Но тогда какъ эти театры у большинства, въ артистическомъ смыслѣ, ничего не представляли изъ себя, или мало чего стоили и по составу труппы и вообще по матеріальнымъ своимъ средствамъ,— у Шепелева наоборотъ, театръ былъ такой, который съ честью могъ бы занять мѣсто не только въ любомъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ, но могъ равняться съ тогдашними столичными нашими сценами, по крайней мѣрѣ, съ московскими.

Театръ на Выксѣ былъ немногимъ меньше петербургскаго Мариинскаго театра. Внутреннее расположеніе его было такое же: партеръ, бенуаръ, бельэтажъ, второй и третій ряды ложъ. Ложы были точно также размѣщены, какъ и во всѣхъ театрахъ; напротивъ сцены, гдѣ въ императорскихъ театрахъ помѣщается царская ложа, находилась парадная ложа Шепелевыхъ, отдѣланная бархатомъ и золотомъ, уставленная зеркалами. Изъ ложи дверь вела въ фойе, куда во время антрактовъ приходили гости и знакомые, и гдѣ сервировался чай.

Вся обстановка и всѣ приспособленія въ театрѣ были превосходны; механическая часть безукоризненна и самыя сложныя оперы тогдашняго времени шли безъ всякихъ затрудненій. Декораціи отличались изяществомъ и точностью.

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.39 -40.

Иван Дмитриевич Шепелев. Источник: «Обитатели дома». Д.Д. Шепелев wyksa.ru.

Более сдержанно, но также с большим одобрением отзывается о театре современник Ивана Шепелева – Адам Павлович Глушковский, один из первых московских балетмейстеров. В своей книге воспоминаний он отводит несколько страничек Выксе, в которой он жил два месяца в 1839 году по приглашению родственников Шепелевых, «чтобы составить из шепелевской балетной труппы два дивертисмента и дать им несколько танцевальных уроков».

Глушковский, А. П. «Воспоминания балетмейстера». – М.-Л.: Искусство, 1940 – С. 132–133

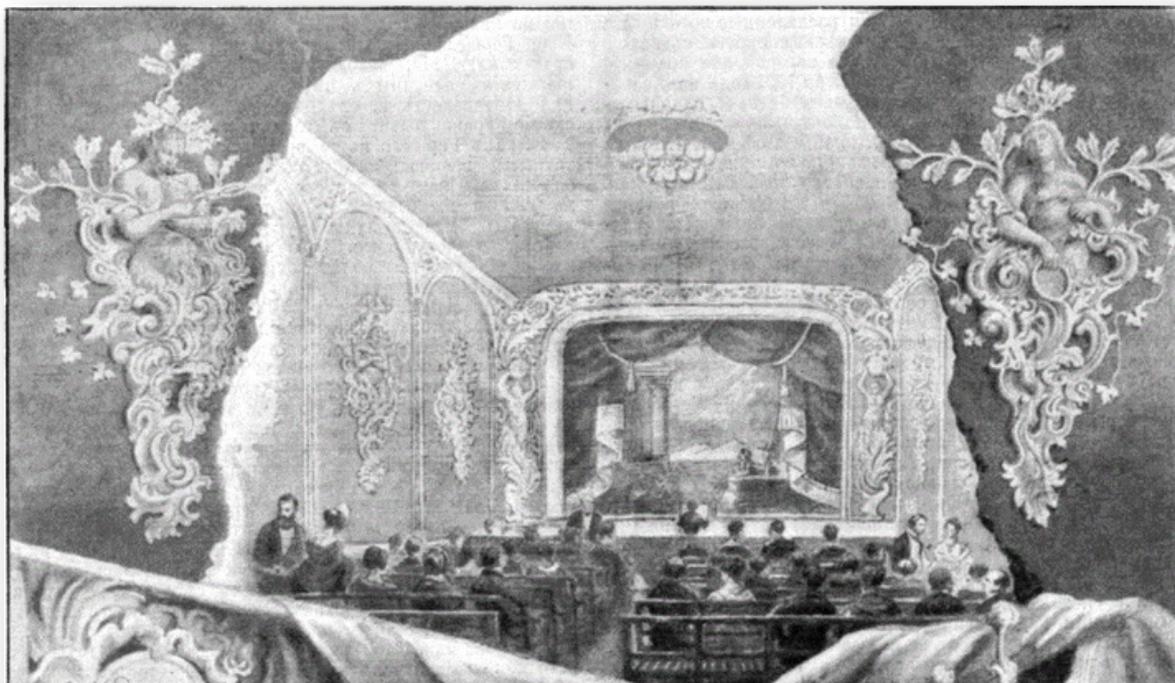
«В 1839 году... молодой граф И. П. Кутайсов, будучи в Москве, предложил мне поехать на Выксунский завод (Нижегородское имение Шепелёвых - Т.В.) на два месяца, чтобы составить из шепелёвской балетной труппы два дивертисмента и дать несколько танцевальных уроков... Приехавши на Выксунский завод, я был принят хозяином дома очень радушно; в большом доме, где жили сами Шепелёвы со своими зятьями, мне были отведены две хорошие комнаты с прислугой, стол был общий. Каждый раз за стол садилось более 30 человек, кушанья и вина были великолепные...»

Неизвестный фотограф. Адам Павлович Глушковский. Фотопечать, бумага, картон. 9,0 x 5,8; 10,1 x 6,1. Номер в Госкаталоге: 7560328. "Музей-заповедник "Усадьба "Мураново" имени Ф.И. Тютчева".

Однако «хор певчих, полный оркестр музыки... наличие балетной труппы из крепостных девушек» поражает и его. Вот как он пишет о внутреннем виде театра И. Д. Шепелева: «Театр... был довольно большой и выстроен со вкусом; он помещал в себе до 300 человек публики, лож было три яруса: бенуар, бель-этаж, парадис и несколько рядов кресел; посреди бель-этажа и по бокам бенуаров были три ложи, драпированные бархатом с золотыми украшениями, которые были предназначены для фамилии Шепелевых и почетных гостей. Оркестр музыки, костюмы, декорации, освещение были очень хорошие, пьесы разыгрывались актёрами и семейством Шепелёвых очень недурно. У Ивана Дмитриевича была также балетная труппа из крепостных девушек... В праздничные дни театр был полон публикою, потому что и заводским мастерам дозволялось быть в нём; великим постом давались на нём концерты».

Глушковский, А. П. Воспоминания балетмейстера. – М.-Л.: Искусство, 1940 – С.132-133.

Внутренний вид театра в Выксе показан на прилагаемом рисунке И.В. Волкова, помещенном в журнале «Нива» за 1895 год № 42 (с. 1005).

Исследователь Выксунского крепостного театра Н. Д. Комовская отмечает:

«Если добавить к этому, что театр освещался газом, чего не было даже в столице, о чем говорит тот же Глушковский, что сцена была снабжена люками, позволявшими проводить сложные оперные постановки, что хор и оркестр насчитывали по сорок-пятьдесят человек, то можно себе представить тот широкий размах, который Выксунский театр получил в конце 30-х годов XIX века. Это был период расцвета Выксунского театра, когда благодаря талантливым крепостным актерам, обучавшимся под руководством приглашенных со стороны специалистов, за ним по праву утвердилась репутация одного из сильнейших домашних театров того времени. При И. Шепелеве он по-прежнему оставался театром закрытого типа, недоступным для широких народных масс; он обслуживал лишь барина-крепостника, его семью, родственников, гостей, приглашаемых на бесплатные билеты. Но он вырос значительно, этот театр, как по своему актерскому составу, так и по совершенству исполнения. Многие зависело здесь, конечно, от того, что Иван Шепелев, при переходе театра в его руки получил целый театральный коллектив, уже достаточно хорошо подготовленный. При театре был также опытный технический персонал, декорации, сцена, – словом, все, что необходимо для осуществления самых сложных постановок. На долю Шепелева пришлось лишь дальнейшее усовершенствование всех доставшихся ему богатств сценического и актерского искусства.

Приглашение столичных знаменитостей в Выксу для обучения крепостных актеров продолжалось и при Иване Шепелеве, стало традицией. Конечно, это делалось все с той же целью – заставить окружающих говорить о себе как владельце незаурядного крепостного театра. Поэтому Иван Шепелев не скупился на затраты. Его крепостных балерин учит танцам, например, известная в ту пору в Петербурге балерина Сунгурова, «корифея С.-Петербургского театра», как ее тогда называли. Учитель танцев И. И. Иогель, славившийся устройством балов у московской аристократии, выступает в Выксе как балетмейстер.

Вивьен де Шатобрен Иосиф-Евстафий Иосифович. Литография. Портрет Петра Андреевича Югеля. Вторая треть XIX века. Бумага на картоне. 35,1x25,9. Рыбинский музей-заповедник.

Несомненно, внимания заслуживает свидетельство об Иване и Николае Шепелевых известного русского скрипача и композитора XIX века Николая Яковлевича Афанасьева (1820-1898). В 1841 году он через князя Льва Константиновича Голицына получил приглашение к его родственнику Ивану Дмитриевичу Шепелеву капельмейстером в театр.

«В императорском театре я получал 800 рублей жалованья, Шепелев мне предложил 3500 рублей в год, кроме квартиры; у него я должен был занять самостоятельное положение. Понятно, я не колебался и с радостью принял приглашение».

«Приехав на Выксу, прежде всего, я должен был играть перед Иваном Дмитриевичем. Моя игра так понравилась ему, что его расположение сразу было обеспечено мне: я сделался тотчас же домашним человеком. Кроме Ивана Дмитриевича, на Выксе жил его младший брат, Николай Дмитриевич, с которым я тоже близко сошелся. Сверх того, здесь же жила сестра Шепелевых, бывшая замужем за князем Голицыным. Это была

замечательная женщина, талантливая, как и вся семья Шепелевых; рисовала она превосходно и музыкальные способности ее были громадные.

Мне был передан в полное заведование оркестр и хор. Иван же Дмитриевич оставил за собой балетную школу и, сверх того, часто лично занимался женскими хорами. Я уже сказал, что некогда брал уроки в Петербурге, и именно, у одного итальянского маэстро».***

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.39 -40.

Н. Я. Афанасьев, приглашенный И. Шепелевым в театр в качестве капельмейстера, рассказывает о том, какое общество собиралось у И. Шепелева во время завтрака: «Оно состояло из чиновников горного ведомства, нескольких молодых горных офицеров и лесных чиновников, — в районе имений Шепелева находился большой участок казенного леса, — машинистов по заводской части, техников всякого рода и национальностей... с их семьями. Сверх того, всегда были приезжие из обеих столиц, собиравшиеся на Выксу или по приглашению хозяина, или по делам для заказов и приемов, правительственных и частных, чугунных изделий всякого рода»

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.43.

Это общество, по всей вероятности, приглашалось в театр, присоединяясь к знакомым и родственникам Шепелева, его постоянным гостям и живущим в доме прихлебателям. Что касается самого здания театра, его сценической и технической части, то общее мнение тех, кто в нем бывал, сводилось к единодушному восхищению. Оно вызывалось и зданием театра, и внутренней его отделкой, и техническими усовершенствованиями, не говоря уже о пышности постановок, искусной игре крепостных актеров, проходивших тяжелую выучку у тщеславного и жестокого владельца заводов. Многие даже полагали, что Выксунский театр мог во всех отношениях равняться с театром столичным.

Николай Яковлевич Афанасьев. (31 декабря 1820 — 22 мая 1898).

«Свое управление театром Шепелева я начал с того, что избавил моих подчиненных от телесного наказания, ограничась только карцером и денежными штрафами. Употребление телесных наказаний не должно удивлять читателя, потому что и на казенных сценах еще в тридцатых и сороковых годах случалось, что артиста наказывали розгами, или из оркестра переводили в истопники. У Шепелева же и хористы, и оркестровые музыканты были из крепостных людей.

Оркестр выксинского театра состоял из пятидесяти человек, то есть немногим меньше состава оркестров императорских опер. Единственно важным пробелом было отсутствие в театре органа. Я заменял орган духовыми инструментами... причем размещал инструменты за кулисами на таком расстоянии от сцены, что доходящий оттуда звук наиболее подходил к органному. Указанным инструментальным сочетанием я так удачно достигал цели, что приезжавшие из Петербурга и Москвы лица, слушавшие в первый раз оперу в нашем театре, всегда обманывались и говорили мне: «Какой у вас прекрасный орган».

Репетиции в театре устраивались по вечерам и оперы давались не иначе как после того, что они были совершенно разучены. Несколько слабы по численности были у нас хоры: хористов у нас имелось не более 35 - 40

человек. Для мужских хоров, если они были очень трудны, я присоединял иногда музыкантов из оркестра, без которых можно было обойтись в данном случае». То же. Стр.41.

Оркестр был очень хорош, но в его составе было несколько неисправимых пьяниц, принадлежавших к старому поколению музыкантов. Н. Я.

Афанасьев вспоминал, что одного из них по имени Абрам, прекрасного артиста, но горького пьяницу, он назначил для поддержки басов в хоре. Из предосторожности было велено запретить его перед началом спектакля в уборную. Он был совсем уже одет, в рыцарском костюме, латах, с мечом и в шлеме. Походя мимо уборной, Афанасьев услышал его молящий голос: «Николай Яковлевич, разрешите одну рюмочку, только одну рюмочку! Робею, ей Богу, робею!» «После, Абрам, после спектакля» - отвечал капельмейстер. После этого он распорядился выпустить его в самый последний момент, когда хору надо будет выходить на сцену. Действие началось, хористы вышли, но Абрама среди них не было. На счастье, все прошло благополучно и без него. Оказывается, он выскочил в окно уборной и, одетый рыцарем, побежал в деревенский кабаk в надежде, что успеет вернуться вовремя. В кабаке его встретили знакомые, которые заинтересовались его костюмом. Вместо одной рюмки его угостили целым полуштофом, так что когда он вспомнил о своих рыцарских обязанностях, то до театра уже не дошел, а проспал всю ночь в канаве, где его нашли на утро в рыцарском костюме и в латах. Подобных историй с пьяными хористами и музыкантами было много: искоренить их не могли никакие наказания.

«Музыканты все получали от Шепелева жалованье точно так же, как и хористы, от 10 до 15 рублей в месяц, сверх чего они имели еще квартиру и дрова. Ничего подобного не было ни в одном из помещичьих театров старого времени. Вообще театр стоил Шепелеву немало денег, ибо он посещался бесплатно всеми, кому Шепелев это позволял, или кого приглашал раз навсегда. Таким образом, все почти места принадлежали одним и тем же лицам. Зато в бенефисы артистов и хора все обязательно подписывались кто сколько мог. Шепелевы всегда сами давали по сто рублей, вслед за ними и наиболее богатые люди давали тоже по сто рублей, а другие, кто сколько хотел и мог, но не менее рубля. За эту ничтожную сумму они пользовались своими местами целый год, считаясь как бы абонентами. Все деньги, собиравшиеся подпискою, хранились у меня. По окончании года, перед Святой, я распределял их между оркестром. Штрафные же деньги обращались в наградные другим. Всеми

делами оркестра заведовали выбранные самими музыкантами лица из их среды».

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.42.

Л. Марини. Эскиз костюма для героя драматического спектакля.
Короткова М. В. Традиции русского быта: [энциклопедия]. - М.: Дрофа-Плюс, 2008. - 319 с.: ил., цв. ил.

Иван Шепелев, несомненно, использовал для усовершенствования технической части сцены имевшихся в его распоряжении талантливых мастеров в области механики. А их было немало. Например, крепостной Копьев, выдающийся механик, работающий еще при Д. Д. Шепелеве. Даже в воспоминаниях А. И. Дельвига, главного правительственного инспектора частных железных дорог, ездившего на заводы для деловых переговоров и отличавшегося своим практицизмом, Копьев характеризуется человеком «с молодых лет показавшим большие способности к механике». Дельвиг добавляет, что «в Англии, куда Копьев был направлен для усовершенствования, оценили его способности и давали в его честь обеды, чем Копьев гордился и в старости».

Дельви́г, А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания (1820–1870). –М.-Л.: Academia, 1930 – С. 442–443. «Воспоминания» интересны тем, что их писал человек, довольно либеральный для своего времени, «убежденный сторонник частного железнодорожного строительства», давший «колоритную картину периода капиталистического накопления». А. И. Дельви́г–двоюродный брат известного поэта А. А. Дельвига.

Среди талантливых крепостных, принадлежавших И. Шепелеву, выделялся также художник Кораблев, человек не только одаренный, но и бесстрашный, не боявшийся говорить в лицо правду даже своему владельцу. По отзывам современников, он «писал декорации с большим вкусом». Кораблев писал не только декорации, он был незаурядным художником. Часть созданных им картин и портретов долго хранилась в выксунских архивах. По преданиям, Кораблев получил специальное образование за границей, считался одним из талантливых художников, но незадолго до окончания курса был отозван в Россию. Так обычно делали помещики, не желавшие, чтобы их крепостные получили вольную.

«Декорации писались с изяществом и точностью; их писал декоратор Кораблев, тоже из крепостных Шепелева, бывший истинным талантом и заслужившим вполне имя художника. Он учился в Петербурге и мог бы, вероятно, пойти далеко, если бы не его крепостная зависимость: в сознании ли своего положения или от других причин, но он сделался горьким пьяницею».

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.40 -41.

Как пишет Нина Дмитриевна Комовская в работе **«Из истории крепостного театра на Выксе»**:

«Выксунский театр в пору владычества И. Шепелева славился также талантливыми крепостными актерами и актрисами. К сожалению, далеко не все имена их дошли до нас, но зато сохранились печальные рассказы выксунских старожилов о том, как многие актрисы из-за своей красоты были загублены барином и как пропали потом бесследно.

Так, например, среди выксунских жителей еще до сего времени живет память об одной молоденькой девушке, известной под прозвищем Шапка. Оно было дано из-за причудливой прически, которую она как актриса

носила на сцене. Девушка обладала, вероятно, большой красотой: рассказывали, что барин (вероятно, И. Шепелев) очень оберегал актрису, никуда ее не выпускал и держал при ней двух девушек, которые за ней следили. Не раз девушку видели в слезах, но о причинах ее слез никто не дознался. Сохранился только в памяти рассказывавших облик ее «чудной красоты»: ее видели мельком в окне помещения, в котором жили крепостные актрисы-балерины. Вероятно, красота девушки была причиной ее строгой изоляции и барского внимания к ней.

О барском «внимании», пагубном для крепостных актрис, говорит также история талантливой семьи Кочетовых, одной из немногих крепостных семей, чьи имена сохранила история в связи с Выксунским театром. Сестры Кочетовы – Мария, Елизавета и Любовь – были старшими дочерьми Ивана Кочетова, крепостного Шепелева, управлявшего его именем. У них были разные амплуа: Мария выступала как драматическая артистка, Елизавета – как певица, Любовь – как балерина. Остальные члены семьи состояли при театре на ролях статистов. Сложный и трудный путь артистической семьи Кочетовых подробно описывается в воспоминаниях П. А. Стрепетовой, приемной дочери Елизаветы Ивановны Кочетовой, в замужестве Стрепетовой.

Стрепетова, П. А. Воспоминания и письма. – Academia, 1934 – С. 69–91, 511–513.

Стрепетова Полина (Пелагея) Антипьевна (1850-1903) – русская театральная актриса. 1897 г. Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина.

Этот путь связан и с именем Ивана Шепелева, владельца Выксунского театра. Кочетовым туго пришлось в Выксе. Они вынуждены были бежать оттуда, так как старшая из сестер Кочетовых, Мария, получила неожиданно от Шепелева предложение сделаться его экономкой. Мария на это не согласилась, и вся семья во главе с возмущенным отцом должна была покинуть Выксу в двадцать четыре часа. П. А. Стрепетова подробно рассказывает в «Воспоминаниях», как они бедствовали после вынужденного отъезда из Выксы, пока им не удалось устроиться в Муроме, где на плечи второй дочери Кочетова, Лизы, легли заботы о всей семье.

Елизавета Ивановна Кочетова, певица, была наиболее одаренная из всех сестер. Своим исполнением она настолько выделялась среди других, что Иван Шепелев в бытность свою хозяином Выксы как-то предложил ей ехать за границу учиться пению – такое количество похвал он наслушался о ней от одной заезжей итальянской знаменитости, перед которой Елизавета Ивановна выступала в Выксе. Как гласит семейное предание, Кочетов осмелился не пустить дочь за границу и, как ни странно, не получил за это никакого наказания. Зато результат отказа другой дочери, Марии, от барского предложения был плачевен: Кочетова просто-напросто выгнали из Выксы вместе с семьей. Несомненно, театр в Выксе сильно от этого пострадал, лишившись сразу трех талантливых артисток. У владельца же Выксы не стало преданного ему человека, никогда не злоупотреблявшего, подобно другим, своей властью управляющего. Впрочем, кто в Выксе обращал внимание на такие «пустяки»!

А далее предоставим слово Владимиру Владимировичу Королеву.

«...На представлении «Горькой судьбины» издательница детского журнала А.Н. Пешкова-Толиверова встретила писателя Ивана Сергеевича Тургенева.

– Вы, верно, пришли поплакать? – не без иронии спросил он свою знакомую. – Женщины всегда плачут в театре.

– А вы видели Стрепетову? – спросила она.

– Нет, Стрепетову не видел, а «Горькую судьбину» знаю, тяжёлая вещь...

Пешкова-Толиверова не стала продолжать разговор, а решила подождать конца спектакля... И уже после первого акта увидела, как у Ивана Сергеевича лились по щекам слезы, он их не вытирал.

– Все говорят о школе... Но выучиться ТАК играть – нельзя... Это сама действительность, сама действительность... – повторял потрясённый Тургенев.

И так каждый раз артистка проживала чужую жизнь как свою, растрачивала себя безудержно, опустошительно.

Илья Репин. Портрет актрисы Пелагеи (Полины) Антипьевны Стрепетовой. 1882. Холст, масло. 64,7х53,5 см. ГТГ.

Родители и точная дата рождения Полины неизвестны, её ребёнком подкинули на крыльцо дома Антипа Стрепетова. В его семье она и была воспитана. Детство провела в Нижнем Новгороде. Приёмный отец – Антип Григорьевич Стрепетов, театральный парикмахер. Приёмная мать – Елизавета Ивановна – была актрисой, обладательницей сопрано. Любовь к театру и желание лицедействовать Полина могла приобрести только под влиянием приёмной матери, Елизаветы Ивановны Кочетовой, актрисы шепелевского театра в Выксе.

Вот здесь-то завязка кончилась, и мы добрались до цели повествования — семьи Ивана Кочетова. В конце первой четверти XIX века в Выксу с целью ведения бизнеса, если по-современному, прибывают бывшие родственниками купцы Леонов и Кочетов. Ими куплены два дома. Домишки продавших их мастеровых снесены, и на их месте построены два двухэтажных деревянных дома. Иван Кочетов в торговлю не пошел, а оказался на должности управляющего имением Шепелевых. Именно имением (то есть барским домом, парком, театром, конюшнями, садами-огородами и прочая, прочая...), а не заводским хозяйством. Так что информация, то там, то здесь гуляющая по разным книжным и электронным ресурсам, о том, что Кочетовы — это шепелевские крепостные, не соответствует действительности. Ничего себе, крепостной... Двухэтажный особняк построен по-барски. На втором, господском, этаже потолки высокие, одним словом — апартаменты, а на первом, как обычно, низеньком — огромная кухня с «царицей» печью и несколько комнат для обслуги. «Холодная» лестница соединяла эти два пространства. Двор поперек перегораживал огромный сарай с гаражными воротами для брички или телеги, отделяя огромный огород, выходивший задами к Верхнему пруду.

Возвращаясь к Кочетовым. То, что они не были крепостными Шепелева, подтверждает часть легенды, повествующая об изгнании семьи заслушание старшей дочери. Помните, крепостное право отменили в 1861 году. До этого крепостные артистки за несогласие с пожеланиями хозяина оказались бы, скорее, на конюшне или огороде, на самых грязных работах, снижающих степень строптивости, или ожидали бы Юрьева дня, когда можно было поменять хозяев. А тут ну-ка, взяли да уехали.

На самом деле, не будучи крепостными, уехали в Нижний Новгород в 1846 – 1847 году Елизавета Ивановна Кочетова (Стрепетова) с мужем Антипом, театральным парикмахером. Там в 1850 году на их крыльцо и подбросили

будущую артистическую знаменитость. Уехали они не по причине несносного поведения барина, а потому, что театр на Выксе перестал функционировать. В 45-м он еще всю работал, согласно свидетельству Андрея Ивановича Дельвига, посетившего по службе Выксу, а в 46-м, во второй приезд, по его же описанию, все изменилось до неузнаваемости. Ни постановок в театре, ни роскошных обедов...

Ну, а что до остальных членов семьи Кочетовых... Через пятьдесят лет, на рубеже столетий, потомки управляющего именем продолжают жить в этом же доме. Внук Ивана Кочетова, Ион Васильевич Кочетов, служит по бухгалтерской линии на заводе. В эпоху Лессинга являлся одним из акционеров Общества Выксунских горных заводов. На работу его возили на служебной бричке. В начале века двадцатого активно участвовал в организации на Выксе клуба интеллигентов. У Ионы Васильевича четверо детей – три дочери и сын. Дом, поэтажно, наследовали двое. Сыну достался второй этаж, а одной из дочерей – первый. Наследники Кочетовых до настоящего времени живут на первом этаже, возможно, и не зная об этой истории.

Думаю, что все станет понятнее, если напишу о том, что Ион Васильевич Кочетов — мой прадед. И некоторые домашние рассказы пересекаются с историей старой Выксы. О Стрепетовой услышал в детстве от бабушки, задолго до начала активного тиражирования её жизнеописания».

В эту же пору существования Выксунского театра в Выксу приезжают для выступлений по приглашению ее владельца Ивана Шепелева известные актеры, например, гастролировавший в столице известный итальянский певец Скотти, обладавший, по отзывам его слышавших «густым, приятным и сильным по звуку басом». Выступают и другие певцы, о которых, к сожалению, известно только, что они являлись «обладателями контральто, сопрано, тенора». Наконец в Выксу приезжает та самая итальянская знаменитость, которая слушала Елизавету Ивановну Кочетову. Сам Шепелев, обладая, по свидетельству современников, небольшим баритоном, учился в Петербурге, у заезжего итальянца, и любил выступать в своем театре в такой, например, опере, как «Морской разбойник Цампа».

Вмешательство Шепелева в жизнь театра не ограничивалось приглашением столичных артистов для обучения его крепостных или выступлением в опере. Он сам подбирал новых артистов, если того

требовал характер постановки или надо было заменить одного исполнителя другим, сам занимался с хором и солистами-певчими, сам проводил репетиции с балетом, взяв под свое личное наблюдение преимущественно балерин, что вполне соответствовало его вкусам. При этом он замучивал своих крепостных частыми репетициями, сложными уроками, непомерными требованиями. Малейший промах выводил его из себя, вызывая взрывы бешеного гнева. Под внешним лоском, очень скоро, впрочем, утраченным, и благородной ролью покровителя изящных искусств таился страшный образ деспота и самодура.

И. Д. Шепелев не останавливался ни перед чем, если считал свои интересы ущемленными. Часто это касалось театра и работавших в нем людей. Особенно ревниво он следил за своими фаворитками из балета или хора. Одной из диких прихотей Шепелева было изображать себя султаном, окруженным одалисками, что он и делал в своем доме, специально оборудовав обстановку, костюмы, заведя распорядок жизни «под турецкий стиль». Роль одалисок выпадала на долю крепостных актрис.

Выксунским жителям памятен случай с капельмейстером из крепостных Улановым, имевшим неосторожность получить на репетиции записку от фаворитки Шепелева, о чем Шепелев узнал тут же. Уже на следующий день Уланова не было в живых «по причине апоплексического удара», как было объявлено актерам.

По сравнению с такой зверской расправой метод обучения Шепелевым балерин с помощью камышовой трости «изрядных размеров», силу которой они ощущали ежедневно на своих спинах, казался совсем невинным.

Пользуясь своим положением магната-крепостника, «Нерон Ардатовского уезда», как звали Ивана Шепелева близко знавшие его люди, требовал железной дисциплины в театре. Об этом прозвище Ивана Шепелева упоминается не однажды в воспоминаниях различных лиц – А. П. Глушковского, П. А. Стрепетовой, Е. М. Феоктистова и др.

«Хористы и певцы из крепостных готовились в школе, которая помещалась в особенном доме. Жили же в этом доме исключительно одни ученицы. В число последних выбирались не одни только молоденькие, но и хорошенькие, так что порою вовсе не обращалось внимания на голоса. Из школы на спевки ученицы привозились всегда в карете с

вооруженными егерями. Иван Дмитриевич вообще не любил, чтобы кто-нибудь знакомился с его артистками, а этого можно было опасаться, потому что на Выксе жило большое общество среди которого немало было мужской молодежи. Шепелев сам обучал хористок, не смущаясь тем, что порою приходилось повторять некоторые места множество раз. Однако, если несмотря на повторение, дело не ладилось, он брал камышевую трость изрядных размеров и бил нерадивых по спине. Меня сперва этот педагогический прием страшно возмущал, я всегда протестовал; Иван же Дмитриевич преспокойно возражал, что наказывает учениц любя, как детей, потому что хочет, чтобы они боялись и прилежнее занимались: иначе - де «детям» легко пойдет разная дурь в голову. «Дети», однако, были находчивы, как я узнал в скором времени. Они под платье на спину накладывали подушечки и потому не чувствовали особой боли от камышевой трости Ивана Дмитриевича».

***Воспоминания Н.Я. Афанасьева. Гл. I-III. «Исторический вестник». 1890 г. Том XLI. С.42 -43.

Неизвестный художник. Жанр. Балерина с голубой лентой. Лист из альбома В.И. Андреевой, оригинал. 1850-е. Бумага, акварель, карандаш. 15,3 x 10,2. Государственный музей А.С. Пушкина.

Поэтому крепостные, работавшие в хоре и женском балете, втайне завидовали музыкантам, которыми сам Шепелев не занимался, передав всецело в ведение капельмейстера «со стороны» (Н. Я. Афанасьева). Но и музыканты не избегали печальной участи подневольных людей. За малейшую провинность их сажали в карцер, налагали на них денежный штраф, особенно если надо было кого-либо в театре наградить: награда шла из штрафных денег. Не проходили мимо них и более страшные наказания, что мы видели на примере Уланова. Ревностность, с какой И. Шепелев следил за выполнением всех правил, установленных им для крепостного актера, резко противоречила его равнодушному отношению к делам завода. Пользуясь этим, управляющие грабили, как могли, от чего особенно страдали выксунские крестьяне, задавленные барщиной, оброком, непосильным трудом, нищетой.

Еще при Баташеве возникали среди рабочих волнения, вызванные «скудным содержанием», как говорится в книге К. А. Пажитнова, или «жалобами на недостаточность заработной платы и на задержку в выдаче ее». В 1816 году, например, рабочие «бросили заводские работы, потушили печи и самовольно, скопом, все ушли с завода, нанеся большие убытки».

Пажитнов, К. А. Положение рабочего класса в России. Т. II. –Л., 1925 – С. 226

При Шепелевых недовольство рабочих усиливалось. В книге того же Пажитнова говорится, что в 1841 году были зарегистрированы волнения среди крестьян, отказавшихся приступить к работе, так как «заводская контора не уплачивает заработанных ими денег, производит иногда расплату железом, которое им приходится сбывать в убыток себе, а то и совсем возвращать конторе обратно за низкую цену...»

То же. Стр.249.

О многих случаях недовольства среди крестьян Выксы рассказывают еще и теперь потомки крепостных, уделяя немало внимания тем, кто не боялся выступать открыто против барина. Таков рассказ о бесстрашной Дуне-

водоноске, под влиянием которой крестьяне хотели присоединиться к восставшим рабочим, за что жестоко поплатилась и сама Дуня, и все восставшие.

Предания и сказки Горьковской области. – Горький, 1951 – С. 47,48, 306

Источники:

Н.Д. Комовская. Из истории крепостного театра в Выксе. Приокская глубинка. №1 (7).2009.

В.В. Королев. Театр на Выксе. ТЕАТР НА ВЫКСЕ - Мой музей — LiveJournal korolevofvyksa.livejournal.com>3878.html

Владимир Королёв. Судьбы простое полотно. «ПРИОКСКАЯ ГЛУБИНКА» №1 (16) 2016. КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ.